

ВИЗУАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мировой кризис идентичности со всей силой развернулся в России. Современники в условиях глобализации и мировой интеграции утрачивают социальные идентичности, испытывая проблемы в ощущении и дефицит в способах демонстрации (выражения) собственной принадлежности к устойчивым социальным группам. Указанная проблема, как и содержательный вопрос патриотического воспитания и конструктивного наполнения понятия «патриотизм», могут быть решены за счет визуальной составляющей форм традиционной культуры, используемых при формировании и развитии обычаев и обрядов современного общества. Данный тезис подтверждается анализом визуальной составляющей крещенских купаний, акцией «Георгиевская ленточка», проектом «Бессмертный полк», масленичных гуляний и других формируемых сегодня традиций.

Ключевые слова: мировой кризис идентичности, самоидентификация, социальные идентичности, русская традиционная культура, патриотическое воспитание, крещенские купания, современные традиции и обряды.

С обозначения мировой глобализации и всеобщей интеграции начинается разговор о мировом кризисе идентичности. С. Ф. Хантингтон вслед за «Столкновением цивилизаций» [1] заявляет о кризисе идентичности: «Кто мы? Вызов американской национальной идентичности» [2]. Конечно, говоря об идентичности, необходимо обратить внимание на все основные социальные идентичности: половую (гендерную и сексуальную), семейную и родовую, политическую, религиозную, историческую и этническую. Однако, обращаясь лишь к этнической идентичности, можно наблюдать кризисные проявления всех остальных составляющих личностного самоопределения.

И хотя Хантингтон подробно анализирует ситуацию лишь в США, его выводы, безусловно, можно распространить гораздо шире: на Европу, Россию и, пожалуй, на значительную часть современного мира. Застарелые «прописные» межэтнические напряжения во Франции, Канаде, Испании, Великобритании обостряются в нулевые годы XXI в. К ним добавляются социальные потрясения 2005 г. во Франции, отдельные очаги которых перекинулись на Бельгию и Германию. Можно дискутировать о природе этих потрясений, но отрицать наличие в них этнической составляющей невозможно. Тогда же, в 2005 г., межэтническое противостояние ярко обозначилось в Австралии (Сидней, Кроналла). В этом ключе можно рассмотреть и норвежский инцидент с А. Брейвиком. К концу десятилетия в Италии, Франции и с особой силой в Германии на самом высшем уровне заговорили об отказе и даже крахе идеи мультикультурализма: «Идея мультикультурного общества провалилась, провалилась абсолютно. Кто хочет жить в Германии, должен говорить по-немецки» [3]. Провокационные заявления Т. Саррацина были восприняты значительной частью немецкого общества: «Саррацин высказал

то, что было на уме многих германцев». Именно после выхода его книги «Германия: самоликвидация» [4] А. Меркель заявила о провале политики «мульти-культи».

Ситуация в России не отличается принципиально от мировой. Пожалуй, наоборот, в некоторых аспектах кризис идентичности имеет гораздо больше оснований для проявления именно в России. Еще в конце советской эпохи все явственнее давали о себе знать застарелые межэтнические конфликты. После распада огромного, но все же сдерживающего политического организма количество межэтнических конфликтов только увеличивалось. Становление на постсоветских просторах независимых государств, «исход „нетитульных национальностей“ и реальные межэтнические военные столкновения привели лишь к обострению проблемы затруднения этнического самоопределения. Одним из явных признаков наличия поиска идентичности стало появление неонацистских и неофашистских организаций на просторах распавшегося Союза. Во всех крупных и средних городах России в огромном количестве появились надписи-граффити определенного содержания. Они не обязательно свидетельствуют о расистских или националистических взглядах их авторов, но явно связаны с процессами конструирования идентичности. Возраст тех, кто оставлял эти надписи, обычно ограничивается 14–21 годами, периодом завершения становления личности и формирования социальных идентичностей.

После беспорядков на Манежной площади в 2010 г. игнорировать национальную тематику стало невозможно. Весь 2011 г. готовилась акция И. И. Охлобыстина «Доктрина 77». Национальный вопрос с особой силой был поднят в связи с парламентскими выборами 2011 г. Основной предвыборный лозунг либерал-демократической партии

«ЛДПР за русских!» заставил и остальных участников предвыборной гонки обратиться к национальной тематике. В процессе уже президентской предвыборной кампании финальная статья В. В. Путина посвящена именно обсуждаемой теме: «Россия – национальный вопрос». На исходе 2012 г. бурно обсуждалась во всех субъектах Федерации и был подписан Указ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.».

Действительно, колоссальные политические перемены, исчезновение целых стран и возникновение на их территории новых, изменение уклада жизни, стремительные изменения в технологиях – все это повергает современников в состояние неопределенности. И если в 90-е гг. прошлого столетия стоял вопрос физического выживания и безопасности, то в последнее десятилетие актуализировались социальные потребности, в том числе потребности самоопределения – вполне в соответствии с пирамидой А. Маслоу.

Перед современным человеком сегодня, безусловно, стоит вопрос самоопределения, остро встает проблема поиска ответа на вопрос «кто я?», но главная сложность заключается в том, что любой ответ должен как-то подкрепляться практическим опытом, присутствующим в повседневности и в особенности в пространстве «праздничного». Так, проблема самоопределения тесно связывается с вопросами патриотизма и патриотического воспитания. Когда говорят о патриотизме, то его проявлением называют готовность защищать Родину, но содержательного ответа на самый главный вопрос – что такое Родина? от кого и каким способом ее необходимо защищать? – за определением патриотического поведения не следует.

Разговоры о патриотическом воспитании в итоге сводятся к обсуждению допризывной подготовки к службе в армии. Но в связи с этим есть несколько возражений: во-первых, к срочной службе призываются у нас в стране только юноши, а во-вторых, все-таки не следует подменять понятия. Патриотизм и подготовка допризывников не одно и то же. Кроме «военного» патриотизма на бытовом уровне встречается еще патриотизм «политический», или «географический», когда Родина – это государство, или определенная территория. Но проблема в том, что на веку нескольких поколений соотечественников менялась территория государства, форма устройства, политический строй, название. Те, кто приносил присягу защищать Родину до распада СССР, вряд ли сегодня готовы защищать страны, образовавшиеся на просторах бывшего Союза, некогда объединенные в одном государстве. В таком случае с новой остротой встает вопрос исторической или гражданской идентично-

сти, их реальном проявлении в жизни современного жителя России. Иногда встречается «фанатский» патриотизм, но с ним ситуация еще сложнее, так как деление на «патриотов» и «непатриотов» будет зависеть от видов спорта, за которые они болеют. Кроме того, всегда найдутся те, кто равнодушен к спорту вовсе.

Сегодня современниками постоянно ощущается разрыв поколений, резкая смена историко-культурной ситуации. Почти каждые 3–5 лет возникают «разные жизни поколений». В таких условиях необходимо нечто постоянное, неизменяемое в этом круговороте перемен, что-то, что гарантирует воспроизводимость через поколения независимо от технологий и гаджетов, нужна стабильность. Отсюда стремление к ощущению своего единства и общности с другими.

С 2005 г. в России началась эпоха социальных сетей и значительную часть объединений в социальных сетях «Одноклассники» и «ВКонтакте» составили группы и сообщества родственников или однофамильцев, созданных по принципу общности фамилии, как бы подразумеваемого родства и общего происхождения. Одной из наиболее распространенных форм мошенничества и темой спам-рассылки являются предложения составить родословную, открыть «тайну фамилии». С этим же связана чрезвычайная популярность истории среди молодежи и людей среднего возраста. По данным всероссийских опросов, порядка 80 % опрошенных гордятся историей, и их число постоянно растет [5, 6].

В условиях быстро меняющегося настоящего внимание современников обращено в прошлое, так как в нем ищется указание на единство, общность. Таким образом, совершенно не случайно появляется целый ряд псевдоисторических спекуляций в области отечественной истории. Колоссальный рост популярности работ А. Фоменко, Г. Гиневича, А. Асова, А. Хиневича, С. Жарниковой. Квинтэссенцией популярности спекуляций в области истории и лингвистики стало обращение М. Задорнова к якобы историко-культурному наследию славян и русских. В этих сочинениях русские и славяне не разделяются, происходит смешение этнических, территориальных, хронологических периодов, которые в академической науке четко разделены. Сегодня в социальных сетях количество групп, сообщений и пабликов, посвященных «откровениям» о «славяно-русах», измеряется тысячами. Однако ни ощущения единства их участникам, ни собственно объединения эти группы не добавляют, так как у каждого автора «новой истории» «история» своя и между собой они обычно редко согласуются. Таким образом, десятки вариантов прошлого не дают искомого единения в настоящем.

На этом фоне тревожными выглядят цифры социологических исследований, согласно которым треть молодых людей в России разделяют лозунг «Россия для русских», но при этом у большинства опрошенных понимания того, что такое «быть русским», все-таки нет. В условиях глобализации и мировой интеграции повседневность и праздничная культура универсализируются, остатки этнических маркеров стираются. Единственным праздником, принимаемым большинством и отражающим традиционные мифологемы, сегодня с уверенностью можно назвать лишь Новый год [7]. Однако налицо тенденция формирования обрядности «новых» праздников на основе традиционного календаря. Народная культура, фольклор с его многообразием форм традиции, народного творчества, лежащие в основании большинства праздников, может с легкостью обогатить жизнь современника конкретными практиками, дающими ощущение столь искомой сопричастности, включенности в вековую историю своего народа.

Примером того, как столетние традиции могут быть востребованы сегодня, являются крещенские купания. Практика крещенских купаний была полностью прервана на протяжении жизни нескольких поколений. Однако необъяснимым образом многое из того, что, казалось бы, ушло безвозвратно, сегодня возрождается в мельчайших подробностях. Каких-нибудь 10 лет назад о них говорили, а тем более их практиковали лишь единицы по всей России. Сегодня крещенские купели – иордани исчисляются десятками тысяч и с каждым годом они обрастают все большими ритуалами и обрядовыми подробностями.

В 2012 г. вокруг этой традиции на просторах Интернета развернулись бурные дискуссии. Обсуждалось, насколько она соответствует духу православия, насколько она традиционна. С одной стороны, вызвана дискуссия была двумя посланиями епископа Евтихия, словом патриарха Кирилла и высказываниями многих иерархов и священнослужителей о смысле и духе крещенских купаний. Но дело не в факте высказывания, а, скорее, в массовости, которой достигли купания в России. В настоящее время они распространены повсеместно в России, на Украине, в Беларуси. С каждым годом количество территорий, где происходят купания, увеличивается, и они обрастают деталями и подробностями.

Необходимо указать на связь, казалось бы, сугубо религиозного обычая с проблемой идентичности. Еще С. С. Аверинцев отметил специфическую особенность в тексте Нестора Летописца, связанную с визуализацией идеи Бога, отразившуюся в рассказе о выборе веры. Для эпохи летописца красота богослужения являлась признаком истиннос-

ти веры, знаком присутствия Бога [9]. Данная особенность восприятия окружающего мира и тесная связь образа с первообразом продолжала транслироваться через литургические и иные внебогослужебные тексты вплоть до относительно недавнего времени и даже сегодняшнего дня.

Можно предположить, что именно в самом образе крещенских купаний, их ритуализированности и обрядности современники видят признак единения и проявления «русскости». На одном из сайтов автор под ником «belo» пишет: «Был на Белом озере 19-го в самом начале купаний. Люди такие радостные были. С окружающими чувствовалось какое-то единение и общность, что мы все не чужие друг другу люди, а один единый русский народ. Возрождая наши русские, христианские традиции, мы сможем возродить утерянную нравственность и духовность нашего народа...» [10]. Так описывает свои ощущения впервые пришедший к проруби на Крещение, но это описание весьма тесно переплетается с размышлениями тех, кто длительное время наблюдает за возрождением крещенских купаний: «Есть что-то сверхчеловеческое в этом все увеличивающемся тяготении нашего народа к усилению традиции крещенских купаний... Это не церковный обряд – он не обязателен, и мы везде об этом говорим и пишем, но процесс все интенсифицируется и интенсифицируется, а значит, это делание есть ребенок самого народа, который родил его однажды, поняв, что при соприкосновении с крещенскими водами именно таким образом он обретает некоторый новый вектор для собственной жизни на последующий за праздником год бытия» [11].

Нужно заметить, что сам по себе обычай данный не связан исключительно с этнографическими особенностями русских. Такая традиция (окунания в водоемы в день Крещения Господня) присутствует у православных славянских народов (сербов, болгар), у греков независимо от церковной юрисдикции (Иерусалимская, Константинопольская, Элладская), а также существовала у грузин [12]. Более того, традиция упоминается у армян и эфиопов – представителей дохалкидонского христианства.

Важно само осмысление традиции как «своей», русской. Во многом этому способствует определенное визуальное ее, традиции, обрамление. Уже с середины нулевых годов, когда традиция стала широко распространяться, прорубь (иордань) стали делать преимущественно в виде креста. Следующим визуальным дополнением стало декорирование места на водоеме ледяными крестами, порой подсвечиваемыми электрическим светом. Место купания иногда обносилось ледяным укреплением, и тогда вход в образовавшееся замкнутое

пространство украшался «надвратной ледяной часовней». Еще одним элементом декорирования места купания было размещение по периметру небольших елей. Все чаще дорожку (путь) к иордани устилают сеном, а также его расстилают по краю ледяной проруби. Изредка по краям иордани разводят костры.

Все перечисленные элементы встречаются в этнографических описаниях второй половины XIX в. и воспоминаниях информаторов на протяжении всего XX в. [13, 14]. При этом символического значения этих визуальных составляющих праздника в источниках не указывается. Можно предположить, что в них как бы прочитывается мифологема праздника, которая также косвенно проговаривается во время богослужения. Так, сено неоднократно упоминается в литургических текстах Богоявления, как, впрочем, и в службах иных праздников, как образ ветхости, тленности человека. В четвертой песне праздничного канона есть слова «сено будучи, огню прикоснись Твоего Божества». В указанном тексте вместе с сеном присутствует образ огня, который присваивается божественному действию. Исторически костры, а в современном варианте чаще электрическая подсветка иллюстрируют сошествие Святого Духа на иордань. Это же действие в прошлом изображалось выпуском голубя или пальбой из ружей.

Исторический контекст визуализации мифологемы праздника понятен, он объясним исходя из знания специфики восприятия слова и образа жителями средневековой Руси, означенной Г. М. Прохоровым [9]. При этом чем сегодня может быть вызван возврат, казалось бы, к давно ушедшим формам? Однозначного ответа нет. Более того, опрос организаторов крещенских купаний приводит к выводу, что с историко-этнографическим прошлым они не были знакомы и объяснить причину именно такого украшения иордани не могут. Однако современная обстановка крещенских прорубей в мелочах повторяет традиции столетней давности [13, 14]. Единственное объяснение, которое давали организаторы купаний, – это стремление как-то украсить иордань.

Но именно через некий визуальный образ и происходит самоотождествление участника обряда с национальным контекстом, присущим празднику. Так, с каждым годом по России ширится празднование Масленицы. Можно много спорить о происхождении и символике составляющих этого праздника, но общим местом является стремление участников народных гуляний выразить свою сопричастность действию через одевание некоего «элемента». Таким элементом сегодня чаще всего является павлопосадский платок, набрасываемый на плечи. Он как бы включает его обладательницу в

мистерию праздника, отличает от повседневной, универсальной в плане глобализации одежды. Однако встает вопрос, как быть лицам мужского пола. И тут наблюдатель заметит, что молодые люди, участвующие в масленичных гуляниях на правах организаторов, чаще всего выделяются при помощи колпака, больше подходящего для иллюстрации западно-европейского шута или скандинавского викинга. Таким образом, стремление визуализировать свою включенность в праздничное пространство можно наблюдать во всех утверждающихся сегодня традициях.

В качестве примера можно также привести абсолютно новую традицию, аналогов которой, пожалуй, невозможно найти в этнографических описаниях позапрошлого столетия, – это георгиевская ленточка. Сегодня уже уходят из жизни последние свидетели Великой Отечественной войны, и современники не имеют ритуализированного пространства и обрядовых действий для сопереживания включенности, сопереживания вспоминаемым событиям. Неслучайно очень быстро по России распространилась идея повязывания георгиевских ленточек на одежду или аксессуары. Человек, так поступающий, как бы сообщает окружающим, что он находится в пространстве праздника. Кроме сообщения окружающим важен факт собственной оценки своей включенности в общее действие, визуализация идентичности.

Еще одной традицией, зарождающейся на глазах, стал «Бессмертный полк». Буквально за три года инициатива нескольких людей распространилась по всей России и даже странам ближнего зарубежья [15]. Современнику важно ощутить свою сопричастность к событию и визуализировать собственную включенность вместе с демонстрацией этой включенности окружающим. Возможность пройти с портретами отцов, дедов позволяет почувствовать сопричастность к исторически удаленным событиям как замещение несуществующего обряда.

Безусловно, неисчерпаемые возможности для конструирования идентичности с гарантированной визуализацией дает традиционная культура, народные традиции. Можно сказать, что искусство, вышедшее из народных недр, в его аутентичном варианте обладает неисчерпаемыми компенсаторными свойствами для преодоления кризиса идентичности. Известны мировые примеры, такие как традиционная хореография, на глазах возродившаяся во французской Бретани, или набравшее мировую популярность ирландское шоу «Риверданс». Из более близких примеров можно указать на лезгинку, которая стала «визитной карточкой» выходцев с Северного Кавказа. Очевидно, что эта пляска стала идентификационным маркером как в demonstra-

ции собственной причастности этнической группе вовне, так и в самоопределении исполняющих лезгинку. Стоит заметить, что название танца происходит от имени лишь одного из более чем сотни народов Кавказа, но идентификационным маркером он стал для представителей многих других этносов.

Лезгинка воспринимается большинством россиян именно как «чеченский» или «дагестанский» танец, хотя это настолько же родная пляска для некоторых групп казаков – терских, кубанских, черноморских. Резкая неприязнь к лезгинке, болезненная реакция на ее публичное исполнение могут быть объяснимы отсутствием варианта демонстрации причастности и ощущения включенности в собственную этническую группу. В этом ключе верными оказываются слова, высказанные на заседании, посвященном рассмотрению ксенофобии и роста экстремистских настроений: «Неприязнь к представителям других народов и культур возникает не от полноты, а от недостатка знания и усвоения ценностей и традиций собственной культуры» [16].

Таким образом, представитель современной культуры вместе с обрядами культуры традиционной лишается механизмов демонстрации окружающим собственной причастности к той или иной социальной группе, как и технологии самоощущения собственной причастности, включенности в устойчивую социальную группу. Конечно, таковые механизмы можно усматривать в демонстрационном потреблении, однако универсализм и глобализация

нивелируют различия, производимые в том же консюмерном сообществе. Кстати, визуальное восприятие «своих» – «чужих» современниками в качестве образа был проговорен и Т. Саррацином в его нашумевшей фразе, где визуальным воплощением иного стали «маленькие девочки с платком на голове» [3].

Следовательно, современник, так же как и в прежние века, нуждается в визуальном подкреплении ощущения собственных социальных идентичностей, утрачиваемых в условиях глобализации и мировой интеграции, предельно обостряющих проблему «национального самосознания» [17, с. 10]. Частично новые образы как «формы смыслообразования» [18, с. 183], способствующие «включению» идентичностей, вырабатываются в обрядах, формируемых на наших глазах, в которых по необъяснимой причине воспроизводятся визуальные коды, присутствовавшие в прошлые столетия в контексте народной традиции. Безусловно, неисчерпаемым запасом визуальных архетипов обладает традиционная культура, способная обогатить современника в решении многих проблем, в том числе в преодолении кризиса идентичности и поиске механизмов и технологий патриотического воспитания в этой связи.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-13-70001 «Визуальная антропология: модели социокультурных коммуникаций».

Список литературы

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 576 с.
2. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008. 635 с.
3. Ахмедова М., Бурмистров П., Вишневецкая Ю. Смерть мульти-культы. Почему европейская модель оказалась на грани краха // Русский репортер. 2010. № 42 (170). URL: <http://rusrep.ru/article/2010/10/26/multi> (дата обращения: 26.04.2013).
4. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М.: Рид Групп, 2012. 400 с.
5. Российская демократия – не повод для гордости. URL: <http://www.levada.ru/21-11-2012/rossiiskaya-demokratiya-ne-povod-dlya-gordosti> (дата обращения: 06.12.2012).
6. История, спорт, наука: чем гордятся россияне? URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114310> (дата обращения: 16.09.2013).
7. Баркова А. Л. Новый Год: символика современного ритуала // Человек. 2002. № 1. С. 56–67.
8. Аверинцев С. С. Красота как святость // Церковь. 1992. № 2. С. 23–27. Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература. (Серия 3: Философия. 2000. № 3. С. 147–158).
9. Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. 294 с.
10. Иордань как испытание себя. URL: <http://news.vtomske.ru/view/244.html> (дата обращения: 25.01.2012).
11. Почему я против «крещенских» купаний». URL: <http://diak-kuraev.livejournal.com/268666.html?page=4> (дата обращения: 25.01.2012).
12. Булгаков С. С. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Харьков, 1900. Репринт: М.: Московская Патриархия. 1993.
13. О водосвятии на иордани и крещенских купаниях // Томские епархиальные ведомости. 1887. № 2. С. 16–17.
14. Жигонова М. А. Историко-культурное наследие сибирского казачества // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура. Тюмень, 2010. С. 75–80.
15. Бессмертный полк. URL: <http://moypolk.ru> (дата обращения: 06.06.2013).
16. Томский игумен выступил в защиту русского народа. URL: <http://simvol-veri.ru/xp/tomskie-igumen-vistupil-v-zashitu-russkogo-naroda.html> (дата обращения: 06.06.2013).
17. Кокаревич М. Н. Принципы уникальности и равноценности культур как условие межкультурной толерантности // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 5 (95). С. 5–11.
18. Ланкин В. Г. Вариантность смысла и типология культур // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2011. Вып. 11 (113). С. 180–186.

Крапчунов Д. Е., кандидат философских наук, доцент кафедры.
Национальный исследовательский Томский политехнический университет.
Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634036.
E-mail: krapchunovd@mail.ru

Материал поступил в редакцию 23.09.2013.

D. E. Krapchunov

VISUAL COMPONENTS OF FOLK TRADITIONS AS A METHOD OF IDENTITY CRISIS OVERCOMING IN MODERN RUSSIA

World identity crisis has attacked Russia with all its strength. In the conditions of globalization and world integration modern Russians are losing their social identities struggling with demonstration of their belonging to sustainable social groups. The formulated problem as well as the substantial question of patriotic education and the meaning of the “patriotism” notion can be solved by means of visual components of traditional culture used in formation and development of rites and rituals in modern society. The given point is confirmed by the analysis of visual components of Epiphany bathing, “St. George ribbon” action, “Immortal Regiment” project, Pancake week festivities and other traditions being formed nowadays.

Key words: *world identity crisis, self-identification, social identities, traditional culture, patriotic education, epiphany bathing, traditions and rites.*

References

1. Huntington S. *The Clash of Civilizations*. Moscow, AST Publ., 2003. 576 p. (in Russian)
2. Huntington S. *Who are we? Challenges to America's national identity*. Moscow, AST Publ., 2008. 635 p. (in Russian).
3. Akhmedov M., Burmistrov P., Vishnevetskaya Yu. Death of multi-culti. Why European model is on the verge of collapse. *Russian Reporter*. 2010, no. 42 (170). URL: <http://rusrep.ru/article/2010/10/26/multi> (accessed: 26.04.2013) (in Russian).
4. Sarratsin T. *Germany: self-destruction*. Moscow, Rid Grupp Publ., 2012. 400 p. (in Russian).
5. Russian democracy – not a cause for pride. URL: <http://www.levada.ru/21-11-2012/rossiiskaya-demokratiya-ne-povod-dlya-gordosti> (accessed: 06.12.2012) (in Russian).
6. *History, sports, science: What are the Russians proud of?* URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114310> (accessed: 16.09.2013) (in Russian).
7. Barkova A. L. New Year: symbols of contemporary ritual. *Man*, 2002, no. 1, pp. 56–67 (in Russian).
8. Averintsev S.S. Beauty as holiness. Church, 1992, no. 2, pp. 23–27. Ref.: RJ. Social and Human Sciences. Domestic literature. Series 3: Philosophy, 2000, no. 3, pp. 147–158 (in Russian).
9. Prokhorov G. M. *Memorials of translated and Russian literature XIV–XV centuries*. Ed. Likhachev. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 294 p. (in Russian).
10. *The Jordan as a test of yourself*. URL: <http://news.vtomske.ru/view/244.html> (accessed: 25.01.2012) (in Russian).
11. *Why I am against of the “Epiphany bathing”*. URL: <http://diak-kuraev.livejournal.com/268666.html?page=4> (accessed: 25.01.2012) (in Russian).
12. Bulgakov S. S. Handbook for Church-sacred ministers. Kharkov, 1900. Reprint: Moscow, Moscow Patriarchate Publ., 1993. (in Russian).
13. On the blessing of the waters of the Jordan and the Epiphany bathing. *Tomsk Diocesan Gazette*, 1887, no. 2, pp. 16–17 (in Russian).
14. Zhigunova M. A. Historical and cultural heritage of the Siberian Cossacks. *Siberia by Ermak's Cossacks to the present day: history, language and culture*, Tyumen, 2010. pp. 75–80 (in Russian).
15. *Immortal Regiment*. URL: <http://moypolk.ru> (accessed: 06.06.2013) (in Russian).
16. *Tomsk Abbot spoke in defense of the Russian people*. URL: <http://simvol-veri.ru/xp/tomskie-igumen-vistupil-v-zashitu-russkogo-naroda.html> (accessed: 06.06.2013) (in Russian).
17. Kokarevich M. N. The foundation of uniqueness and equivalence as condition for cross-cultural tolerance. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, no. 5 (95), pp. 5–11 (in Russian).
18. Lankin V. G. The variable sense and the typology of cultures. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, no. 11 (113), pp. 180–186 (in Russian).

National Research Tomsk Polytechnic University.
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634036.
E-mail: krapchunovd@mail.ru